

DRAFT: NOT FOR CITATION WITHOUT
PERMISSION OF THE AUTHOR

NUMBER 156

РОССИЯ И ЗАПАД

И. Серман

Россия и Запад

Всегда интересно следить за тем, как и когда какая – либо устойчивая идея возникает в национальном сознании, как она живет и развивается, – особенно, если эта идея дожила до наших дней и сейчас переживает свою третью молодость. Я имею в виду идею сопоставительной оценки России и Запада, получившую при Петре 1 и после него совершенно иной смысл, чем тот, который она имела в Московском государстве. Возведенная славянофилами в 1840-е годы на уровень вдохновляющей религиозно-философской концепции, эта идея и в наши дни, во второй половине XX века, снова стала одной из модных проблем в сознании русской интеллигенции. Столь долгая жизнь этого комплекса идей доказывает верность суждения, высказанного одним русским публицистом более ста лет тому назад. Н.В. Шелгунов тогда написал в радикальном русском журнале, что в России не возникает "новых" вопросов, новых проблем общественной жизни, вопросы всегда одни и те же, всегда "старые". Несомненно, что он имел в виду и проблему "Россия и Запад", возникновение которой можно отнести еще к эпохе христианизации Руси и присутствие которой в разные эпохи русской жизни давно уже освещается исторической наукой.¹ Сошлюсь хотя бы на идею "Третьего Рима", в которой с особенной силой и убежденностью выразилось сознание идеологического превосходства Руси над всем прочим миром.²

Борьба идеологов Московского государства против "немцев" и "латинцев" доказывает, что национальное самосознание, как правило, создается и строится на обязательной самооценке.

Для того, чтобы быть убежденным, что "у нас не как в Польше", нужно, чтобы была эта Польша или, как чаще ее называли, "Литва", и чтобы она могла выступать в роли идеологического антипода.

Сама же по себе проблема отношений к Западу существовала в русской жизни всегда, хотя форма этих отношений менялась на всех уровнях национальной жизни и национальной культуры: в сфере деловых, торговых и дипломатических отношений, и в сфере идеологии, где она рассматривалась преимущественно в аспекте религиозном.³ В Московском государстве такое положение установилось прочно в ХУ1 веке и с некоторыми видоизменениями сохранялось и в ХУП столетии, когда отношения России с Западом все еще находились в том, примерно, положении, в котором они вновь были установлены при Сталине, т.е. в 1930 годы.

В ХУП веке всякого рода технология, особенно вооружения и вообще "ратного дела", охотно, хотя и не очень последовательно, изучалась и перенималась. Но в области идеологической Запад по-прежнему оставался источником порчи и заразы.

В середине ХУП века князь Иван Голицын писал в Москву: "А союз польский против крымцев нам не нужен: мнится мне, что никакими мерами нашим русским людям служить вместе с королевскими людьми нельзя ради их прелести ... Одно лето побывают с ними вместе на службе и у нас на другое лето не остается и половины русских людей."⁴

Петр, в своей деятельности и в официальной правительственной публицистике не отказался от обязательного сопоставления России

и русских с Западом, но перенес это сопоставление из идеологии в сферу практики. Запад для него эталон, в том смысле, что Россия должна у него учиться, или уже научилась и может без учителей обойтись. Так понимали отношение к Западу те, кто разделял идеи Петра и сочувствовал его реформам. Сочинения Посошкова доказывают, насколько органичны были петровские реформы, до какой степени они были исторически необходимы. Посошков – частное лицо, приватный идеолог, а не официальный публицист, вполне в духе Петра писал, что "в немецких землях вельми людей берегут, а наиначе купецких, и того ради у них купецкие люди и богаты зело. А наши суда нимало людей не берегут и тем небрежением все царство в скучость приводят".⁵ Но при этом Посошков убежден, что сравняться с "немцами" или даже их превзойти русские вполне способны: "А за благодатью божией у великого государя есть всяких людей разумных. Много немцы нас ушлеे науками, а наши остротою, по благости Божией не хуже их, а они ругают нас напрасно."⁶

Всякое обдуманное сопоставление России и Запада в середине XVIII века обязательно включало в себя сознательное отношение к Петру Первому и его реформам, к тому повороту в развитии России, который при нем произошел. В официальных документах и официозной литературе Петровского времени /в частности в проповедях Феофана Прокоповича/ уже к концу 1710 годов получает совершенно ясное выражение оппозиция двух России – старой /допетровской/ и новой /реформированной Петром/. В середине столетия эта оппозиция получила еще более категорическое выражение. Ломоносов и Сумароков в этом вопросе высказывались единодушно. Ломоносов писал в 1747 г. о Петре, что он "Россию варварством попранну

с собой возвысил до небес",⁷ т.е. вывел на путь умственного и материального прогресса; Сумароков в "Слове похвальном Петру Великому" /1759/ утверждал что: "До времен Петра Великого Россия не была просвещена ни ясным о вещах понятием, ни полезнейшими знаниями, ни глубоким учением; разум наш утопал во мраке невежества, искры остроумия угасали и воспламенить не имели силы. Вредительная тьма разума приятнее была, и полезный свет тягостен казался ... Возмужал великий Петр, взошло солнце, и мрак невежества рассыпался."⁸

Петровская эпоха не только содействовала созданию в России идеологии просвещенного абсолютизма. В первую четверть XVIII века впервые в истории русской общественной жизни была создана в нерелигиозная политическая идеология, притом идеология официальная, государственная. Феофан Прокопович в "Правде воли монаршей" /1722/ утверждал, что всякое правительство основано на общественном договоре: "имеет начало от первого в сем или оном народе согласия".⁹

Секуляризация официальной идеологии в петровское время не только меняла содержание ее, не только переводила ее в сферуrationально-постижимого, доступного обсуждению, оценке, а может быть, в перспективе, и переоценке, критике, но и открывала для русской общественной мысли новые, непривычные горизонты.

Отказ от религии, как источника государственных идей и практических действий, осуществленный Петром, показал русской общественной мысли такие возможности, о которых, конечно, сам царь-реформатор не думал и не догадывался. Это влекло за собой отказ от традиционного, давно сложившегося и казавшегося неизменным, или признававшегося таковым, уклада жизни. Государственное

устройство России из статического и неподвижного оказалось чем-то в принципе способным меняться и двигаться, развиваться, теоретически стало возможно выбирать форму правления, сопоставляя испытанные и проверенные историей Запада образцы с историческим опытом России.

Практически это новое отношение к возможности выбора проявилось в 1730 г., в предложениях дворянства, написанных Кантемиром и Татищевым. Не касаясь содержания этих предложений, отмечу только, что они явились в результате сознательного отбора или выбора среди известных авторам западных форм парламентарного строя, по польскому или шведскому образцу.

Идея динамики, заложенная в самом процессе реформ, была по существу новой формой постановки проблемы "Россия и Запад". Россия захотела учиться и перенимать в условиях, как казалось, свободного выбора наиболее подходящих типов жизнеустройства, уже существующих на Западе. Кантемир и после неудавшейся попытки ограничить самодержавие продолжал мечтать о дворянском парламенте, ориентируясь теперь уже на свои английские впечатления. Друг Кантемира и его первый биограф, аббат Гуаско, вспоминал: "Его восхищала Англия, где парламент сдерживает власть монарха в определенных пределах и не позволяет ей стать выше законов, ограждая подданных от печальных последствий самовластия."¹⁰

Сопоставительная самооценка оставалась обязательным элементом национального самосознания на всем протяжении XIX века, но при этом Запад не всегда назывался; во многих случаях он подразумевался, как эталон в той или иной области культуры, политики, экономики.

Посошков, как мы видели, не касался сопоставительной оценки государственного строя России и западных держав.

Ломоносов, который так же, как Посошков, высказывается безусловно апологетически по отношению к самодержавию, делает свой вывод на основе исторического сопоставления разных форм политической организации общества. "Российская история" Ломоносова вся построена на идее необходимости и спасительности самодержавия. Может быть непреднамеренно, она заканчивается следующей многозначительной характеристикой Ярослава 1, великого князя Киевского: "Жил 76 лет, велик миром и воиною, но был бы еще больше, когда бы новгородцам не оставил необузданной вольности."¹¹ А в целом история России, по мнению Ломоносова, может быть сопоставлена с историей древнего Рима: "где нахожу владение первых королей, соответствующее числом лет и государей самодержавству первых самовластных великих князей Российских; гражданское в Риме правление подобно разделению нашему на разные княжения и на вольные города, некоторым образом гражданскую власть составляющему; потом единоначество кесарей представляю согласным самодержавству государей Московских. Одно примечу несходство, что Римское государство гражданским владением возвысилось, самодержавством пришло в упадок. Напротив того, разномысленною вольностию Россия едва не дошла до крайнего разрушения, самодержавством как сначала усилилась, так и после несчастливых времен умножилась, укрепилась, прославилась."¹²

Самодержавие не только могло сохранить национально-государственное единство России, оно, по мнению Ломоносова, возвело Россию усилиями Петра 1 и нации в целом на такой уровень

политического влияния, что страна стала из объекта политики Запада ее субъектом, вершителем судеб всей Европы "яко важнейший член во всей европейской системе."¹³

Подобно Посошкову, Ломоносов убежден, что русские "никого не хуже" в смысле способностей к наукам. Он говорит об этом в оде 1747 г.:

О вы, которых ожидает
 Отечество от недр своих
 И видеть таковых желает,
 Как их зовет от стран чужих,
 О ваши дни благословенны,
 Дерзайте ныне ободренны
 Раченьем вашим показать,
 Что может собственных Платонов
 И быстрых разумов Невтонов
 Российская земля рождать.¹⁴

В то же время подобно Посошкову Ломоносов возмущается невежеством и безнравственностью православного духовенства, сравнивая его поведение с тем, как ведут себя лютеранские священики в Германии: "Тамошние пасторы не ходят никуда на обеды, по крестьянам, родинам, свадьбам и похоронам, не токмо в городах, но и по деревням, застыд то почтают, а ежели хотя мало того увидят, что он пьет, тотчас лишат места. А у нас при всякой пирушке по городам и деревням попы - первые пьяницы. И не довольствуясь тем, с обеда по кабакам ходят, а иногда до крови дерутся... А у нас по многим местам и попы сами чуть столько грамоте знают, сколько там мужичий батрак или коровница умеет."¹⁵

Нескрываемая горечь этих замечаний Ломоносова /и сходных мыслей Посошкова/ говорит о глубоком чувстве страдания, которое испытывал поэт, сопоставляя военно-государственные триумфы России перед лицом Запада, и повсеместное невежество первых учителей народа, не говоря уже о его массе в целом. Поэтому в его поэме о Петре Великом герой побеждает главных своих врагов – русское суеверие и шведов /западных противников/ одним и тем же оружием: усвоенным у Запада просвещением. Война, по Ломоносову, не цель для Петра, а только путь к культуре.

Другие в чести храм рвались чрез ту /войну – И.С./ вступить,
Но ею он желал Россию просветить...

На устиях Невы его военный звук
Сооружал сей град, воздвигнул Храм науке
И зданий красота, что ныне возрастает,
В оружии свое начало признавает.¹⁶

У Ломоносова еще не возникало сомнений в пользе от Западной науки, хотя он и вступал очень часто в споры с западными учеными и так и не согласился с ньютоновской идеей всеобщего притяжения тел.¹⁷

В середине столетия, т.е. в 1750-е годы, уже стали ощутимы результаты Петровских реформ, направленных на европеизацию России, на преодоление двух- или трехвековой ее отсталости. Эти результаты оказались в двух как будто очень далеких сферах жизни – в военном деле и в "словесных науках." При этом "словесные науки", т.е. литература, а еще точнее поэзия, взяли на себя прославление побед русских войск.

Друг Пушкина, П.А. Вяземский, в своей монографии о Фонвизине /1848/ предложил такое определение глубокой внутренней связи войны и поэзии в XVIII веке: "Ломоносов, Петров, Державин были бардами народа,

почти всегда стоявшего под ружьем, - народа, праздновавшего победы или готовившегося к новым." ¹⁸

Так Россия уже в середине XVIII века могла по собственному пониманию, да и по западной оценке, противопоставить своим учителям свое военно-политическое могущество и свою новую поэзию. Позднее Н.Н. Страхов, видный славянофильский критик, именно в этом видел основное достижение русской культуры XVIII века: "Сближаясь с Европою, мы сразу показали себя равными ей в одном отношении - в государственном могуществе, и это не могло не возбудить нашей гордости. /.../ Было бы странно, если бы литература не отразила в себе того героического восторга, который составлял самую светлую сторону тогдашней жизни России."¹⁹

Военная мощь России, ее победы над Пруссией при Елизавете, над турками и поляками при Екатерине II, над французами при Павле - создавали чувство национальной гордости, основанное на реальных политических достижениях, а не на сомнительном идеологическом превосходстве, которым так гордилась Московская Русь. В оде 1759 г. Ломоносов говорит:

Воздвигнися в сей день, Россия,
И очи окрест возведи;
К Тебе гласят концы земные:
"Меж нами распри ты суди
Елисаветиной державой;
Ея великолепной славой
Вселенной преисполнен слух."²⁰

Через 25 лет об этом же сказал Сумароков в оде Екатерине II "На торжество мира с Портю Оттоманскою 1775 года":

Поля Полтавски трепетали,
Когда на них сражался Петр:
А днесъ во дни Екатерины
Везде полтавские поля.
Явится лишь российско знамя,
И россов заблистает меч -
Противные бегут народы
И звук победы слышен там.²¹

Через сто лет после смерти Ломоносова, Аполлон Майков, поэт после-пушкинской эпохи, писал что Ломоносов воспитал в целом поколении чувство национального самоуважения.²²

Новая поэзия разработала одицеский жанр как словесное выражение военно-политических побед и одновременно заявила свое право на равенство с Западом, о чем только мечтали первые деятели новой русской литературы, Кантемир и Тредиаковский, в 1730 годы.

2

В середине века в молодой русской литературе возникала новая форма борьбы с Западом – галлофобия, начало которой положили Сумарков и Елагин, и которые развили русские комедиографы с первых шагов созданного в 1756 г. русского публичного театра. Позднее выщучивание и высмеивание подражателей всему французскому – стало дежурной темой русской сатирической журналистики до 1820-х годов.

Первые русские комедиографы принадлежали к поколению, которое пришло в литературу вслед за Ломоносовым и Сумароковым. Эти молодые литераторы хорошо понимали весомость того, что было сделано основоположниками русской литературы и потому выступили на ее

защиту от тех, кто подражал всему французскому и знать не хотел ничего отечественного. В одной из первых русских оригинальных комедий "Наказанная вертопрашка" /1765/ персонажи спорят:

Молодой граф/Пульхерии/: Я вам лучше расскажу, сударыня. За обедом сегодня у графа Глупозвякова не знаю какой-то педант сутенировал, что будто русский язык... что этот варварский язык более приятности французского имеет... И какой он вздор молол! У нас-де начинают писать, называл великими людьми Ломоносова и ... Феофана какого-то. Великими людьми двух русаков! Вообразите себе только эту глупость!.. Слушай, мой дружище, сказал я ему, что тебе кажется велико, то еще не велико для других.

Пульхерия: Остро сказано.

Ераст: Но читал ли ты Феофана или Ломоносова?

Молодой граф: Я! Чтобы я читал вздор этот?

Никандр: Чтобы мы русские книги стали читать? Vous radotes, mon ami.

Ераст: Вот так-то эти господчики всегда судят! Однако хула ваша столько же мало может вредить великим этим людям, сколь мало ваша похвала может принести кому чести.²³

Борьба с галломанией становится общим делом новой литературы, одним из способов ее самозащиты.

Сценическая форма была наиболее эффективна, в ней легче всего было представить опасные формы галломании для литературы. Если мы так представим себе смысл борьбы с галломанией, которую вели русские комедиографы от Сумаркова до Грибоедова, и русские журнальные сатирики, от Новикова и Екатерины П до Крылова, то нам станет понятна и интенсивность этой борьбы, и участие в ней деятелей разных литературных направлений и политических взглядов.

Фонвизин включился в борьбу с галломанией своим "Бригадиром"/1769/. Иванушка и Советница в отличие от прочих персонажей комедии сознательно отрекаются от русского языка. Все остальные персонажи живут в приемном для них социальном и языковом окружении. Они могут быть дурны, грубы и жестоки, невежественны

и глупы, но все они говорят на одном языке - русском, - хотя комическое в "Бригадире" строится на их семантическом разномыслии. Русский язык всех персонажей комедии и изуродованный, о francazуженный, искаженный язык Иванушки и Советницы, - та смесь французского с нижегородским, которая так возмущала Грибоедова - вот языковое, и пожалуй, самое острое выражение главного конфликта комедии.

Драматург судит своих о francazувшихся персонажей в первую очередь за их измену родному языку, а уж потом и за все остальное.

Борьба за чистоту и неприкосновенность созданного новой литературой языка была только самой острой формой борьбы с Западом за равенство культурное, как войны были борьбой за место России в политической системе Европы XIX века.

Борьба с галломанией была еще и защитой определенной системы нравственности от разрушительного влияния крайних форм французской атеистической философской мысли. Иванушка, как проповедник последовательного поведенческого гельвецианства, выступает в комедии врагом той системы ценностей, которой руководствуются - или должны руководствоваться - остальные персонажи "Бригадира". В это время Фонвизин, по-видимому, еще не нашел для самого себя такой нравственной идеи, которую он мог бы убедительно сценически противопоставить гельвецианству своих персонажей и своих недавних друзей по кружку князя Козловского. Как и некоторые близкие ему литераторы /Сумароков и Новиков/, Фонвизин впоследствии нашел свою систему ценностей в историческом опыте России.

Сумароков под впечатлением Пугачевского восстания в своем сочинении "Первый и главный стрелецкий бунт" /1774/ объявил

допетровскую эпоху /царствование Федора Иоанновича/ временем, когда, не подражая французам и немцам, русские сохраняли свои нравственные принципы. Он отказался от собственного высказывания о царившем в России до Петра "мраке невежества", и теперь утверждал: "Бредят люди, проповедающие то, что мы до времен Петра Великого варвары или поче скоты были /.../ ибо они из человеков ненапудренных действительно в напудренную превратилися скотину".²⁴

Одновременно с Сумароковым Новиков допетровскую эпоху назвал временем, когда "нравы" были еще не повреждены французским влиянием: "кажется мне, что мудрые древние российские государи яко бы предчувствовали, что введением в Россию наук и художеств наидрагоценное российское сокровище - нравы - погубятся безвозвратно, и потому лучше хотели подданных своих видеть в некоторых часть наук незнающими, но с добрыми нравами, людьми добродетельными, верными Богу, государю и отечеству."²⁵

Фонвизин не считал нужным так далеко, в допетровскую эпоху, отодвигать существование идеальных неповрежденных просвещением национальных нравов. Для него идеальная эпоха нравственного воспитания - время Петрового, когда сформировался его любимый герой, Стародум. Воспитание Стародума - это воспитание чувства долга и сознания своих прав и обязанностей, это воспитание души. Правдину Стародум так объясняет принципы своей практической морали и социального поведения:

Отец мой воспиталъ меня по тогдашнему, а я не
нашелъ и нужды себя перевоспитывать Служилъ онъ

Петру Великому. Тогда одинъ человекъ назывался ты, а не вы. Тогда не знали еще заражать людей столько, чтобы всякий считаль себя за многихъ. За то нонче многие не стоятъ одного.... Въ тогдашнемъ веке придворные были воины, да воины не были придворные. Воспитание дано мне было отцомъ моимъ по тому веку наилучшее. Въ то время къ научению мало было способовъ, да и не умели еще чужимъ умомъ набивать пустую голову.

Правдинъ. Тогдашнее воспитание действительно состояло въ нескодъкихъ правилахъ...

Стародумъ. Въ одномъ. Отецъ мой непрестанно мне твердилъ одно и то же: имей сердце, имей душу, и будешь человекъ во всякое время. На все прочее мода: на умы мода, на знания мода, какъ на пряжки, на пуговицы.

Правдинъ. Вы говорите истину. Прямое достоинство въ чедовеке есть душа.

Стародумъ. Безъ нея просвещеннейшая умница жалкая тварь. /Съ чувствомъ/ Невежда безъ души -- зверь.²⁶

Не замечая противоречия межлу своим утверждением о превосходном состоянии русских нравов до Петра Первого и убеждение, что русские только посде Петра стали усваивать проповеди, Новиков в "кошельке" писал:

Русские люди в рассуждении наук и художеств столико ж имеют остроты, разума и проницания, сколько и французы, но гораздо более имеют твердости, терпения и прилежания; разность же между французом и русским в рассуждении наук вся в том состоит, что один после другого гораздо позже принялся за науки. Франция за распространение наук и художеств одолжена веку Людовика XIV ; а в России судьбою предоставленна была сия слава Екатерине Великой, делами своими весь свет удивляющей. Если посмотреть на скорые успехи, каковые россияне в рассуждении наук и художеств оказали, то должно будет заключить, что в России науки и художества придут в совершенство гораздо в кратчайшее время, нежели в какое доведены они были во Франции.²⁷

Эта идея о культурной молодости России по сравнению все с той Францией, о ее отставании по крайней мере на целое столетие, была усвоена и Фонвизиным. Через четыре года в "Письмах из Франции" он нашел для этой идеи выразительную формулу: "Не скучаю вам описанием нашего вояка а скажу только, что он доказал мне истину пословицы: славны бубны за горами. Право, умные люди везде редки. Если здесь прежде нас жить начато по крайней мере мы, начиная жить, можем дать себе какую форму, какую хотим, и избегнуть тех неудобств и зол, которые здесь вкоренились. Nous commencons et ils finissent. Я думаю, что тот кто родился посчастливее того, кто умирает."²⁸

Вот, следовательно, когда Запад уже умирал - в 1778 году; Как считал фонвизин, нация начинает жить, когда из состояния непосредственного, стихийного она, под влиянием толчка полученного в эпоху реформ осознает самое себя, начинает правильно понимать свои нужды и стремления, ищет себе наиболее разумные "формы" жизни.

Момент самосознания для русских по фонвизину - это эпоха петровских реформ, т. е. момент перехода от состояния неподвижности, от статического однообразия к динамическому и быстрому развитию.

Культурная и политическая "молодость" России казалась залогом того что ей еще не поздно избежать катастрофических последствий абсолютистски закоченевшего состояния, в которое, например, пришла Франция в конце 1770-х годов и которое становилось очень опасным, по мнению фонвизина и для России. Поэтому критика французского образа жизни в письмах фонвизина к П.И. Панину из Франции всегда происходит сопоставительно. Его не столько интересует Франция сама по себе, сколько те "примечания"- мы бы сказали выводы, - которые он делает, сравнивая Францию и Россию.

По Фонвизину во Франции не только народ "во мраке глубочайшего невежества"²⁹, но и те, кто обязан им руководить - его духовные отцы, священники. Правда, фонвизин считает, что лучше иметь "попов-невежд, чем попов-тиранов"³⁰. Он предпочитает всевластию Французского духовенства подчиненность православной церкви государству.

Но самые печальные наблюдения фонвизина относятся к тому сословию состоянию которого его, естественно, больше всего беспокоит - к французскому дворянству: "невежество его с чем несравненно"³¹ - говорит он, т.е. даже с невежеством русских дворян. Главную причину глубокого нравственного падения французского дворянства фонвизин видит в том, что "исчез в сердцах первый закон, первый между людьми союз - добрая вера. У нас ее немного, а здесь нет и головы."³² В этом разрушении "первого закона" фонвизин видит главное преступление французских философов- "Даламбертов, Дiderотов": "сколько я понимаю, вся система нынешни философов состоит в том, чтобы люди были добродетельны независимо от религии, но они, которые ничему не верят, доказывают ли собою возможность своей системы?.. Надлежит только взглянуть на самих господ нынешних философов, чтоб увидеть, каков человек без религии, и потом заключить как прочно было бы без оной все человеческое общество!"³³

Вывод, к которому приходит фонвизин из последовательного социологического анализа состояния Франции России, глубоко пессимистичен. Он не видит никаких преимуществ у Франции как государства перед Россией, в национальном Французском характере находит очень много серьезных изъянов, порожденных несовершенством социальной системы и пороками нравственного воспитания: "сравнивая и то и другое, осмелюсь вашему сиятельству чистосердечно признаться, что если кто из молодых

моих сограждан, имеющих здравы рассудок, вознегодует, видя в России злоупотребления и неустройства, и начнет в сердце своем от нея отчуждаться, то для обращения его на должную любовь к отечеству нет вернее способа, как скорее послать его во Францию. Здесь конечно узнает он самым опытом очень скоро, что все рассказы о здешнем совершенстве сущая ложь, что люди везде люди, что прямо умный и достойный человек везде редок, и что в нашем отечестве, как ни плохо иногда в нем бывает, можно однако быть столько же счастливи³⁴, сколько и во всякой другой земле, если совесть спокойна и разум правит воображением, а не воображение разумом."

В 1780-е годы, после "Писем к Панину" фонвизина, дилемма Россия-Запад приобретает одновременно и конкретно-историческое и социально-критическое содержание.

Так например, сопоставительно- критическую оценку России дает, вскоре после фонвизина, Радищев в своей оде "Вольность" /1783/. При этом эталоном ему служит не франция, обычный член этого сравнения, а новая страна, новая запозданая демократия - Америка, по сравнению с которой Россия не могла уже ссылаться на свою историческую "молодость".

Со- или противопоставление Россия - Запад принимает в русской литературе 1780-х гг. различные виды, в зависимости от того политического заряда, который вкладывает в свое произведение данный автор. Так, в трагедии Княжнина "Росслав" /1783/ тирану и похитителю престола, шведскому королю Христиерну противостоит русский гражданин-патриот Росслав. Кончается эта трагедия победой Росслава, моральной и физи-

35

ческой, над шведским королем-тираном. Линия же сопоставительной критики России в сравнении с современным Западом, начатая фонвизиным в "Письмах к Панину", была продолжена другим русским путешественником-писателем, но с другими выводами; в "Письмах русского путешественника" Карамзина дано столь точное описание быта культурности и свободы, которыми пользуется крестьянин в Швейцарии, что его читатель, кто бы он ни был, не может не сопоставить с этим описанием хорошо ему известную жизнь русского крестьянина. Так в русской литературе появились впервые две точки зрения, впоследствии получившие название "западнической" и "славянофильской". Книга Котошихина, в которой такое сопоставление было сформулировано сознательно, в литературный оборот до самых сороковых годов XIX века не входила. ³⁶

Карамзин, подобно фонвизину, ведет отсчет времени от эпохи Петра Первого. "Немцы, французы, англичане были впереди русских по крайней мерешстью веками; Петр двинул нас свою мощною рукою, и мы в несколько лет почти догнали их. Все жалкие Иеремиады об изменении русского характера, о потере русской нравственной физиономии или ничто иное как шум или происходят от недостка в основательном размышлении. мы не таковы, как брадатые предки наши: тем лучше!.. Все народное ничто перед человесеским. Главное дело быть людьми, а не славянами." ³⁷

Слова Карамзина "о потере русской нравственной физиономии" - звучат прямым выражением излюбленной идеи масонов,

впервые высказанной в "Кошельке" Н. И. Новикова.

Французская революция 1789-1793 гг. повлияла на самый характер постановки вопроса об отношении России к Западу. Произошла не только моральная, но и политическая переоценка Запада. Франция стала в России пугалом для многих, источником революционной заразы. А те, кто не хочет участвовать в дружном хоре официозных проклятий Французским революционерам, предпочитали молчать. Возможность печатно политически сравнивать Россию и Запад исчезла.

Последнее усилие одилической поэзии — оды Державина на победы Суворова над французами, — выражают общее для большинства русских литераторов осуждение революционной, а заодно и Наполеоновской Франции.

Обращаясь к французам, поэт противопоставляет всемирно-историческую позитивную миссию России разрушительным действиям французов:

Днесъ зверство ваше стало наго,
Вы рветесь за прибыток свой,—
Воют Росс за обще благо,
За свой, за ваш, за всех покой. ³⁸

После свержения Павла 1 сопоставительная оценка России и Запада не только вновь появилась на страницах русской печати, но и получила для себя такую свободу выражения, которой ранее в России не бывало. В 1801 г. Карамзин издал "Письма русского путешественника" с шестой частью, ранее не публиковавшейся, в которой отказался от формы "писем" и, дав последовательное описание всех сторон английской общественной жизни, предложил русским читателям, и особенно молодым политикам из окружения Александра 1 нечто вроде политического руководства по устройству справедливого, основанного на законе, общества. Он подробно описывает суд присяжных: "Здесь, друзья мои, отдайте пальму английским законодателям, которые умели жестокое правосудие смягчить человеколюбием, не забыли ничего для спасения и не боялись излишних предосторожностей."³⁹ По поводу известного принципа английского права, согласно которому обвиняемый может быть осужден только если есть соответствующий закон, которому подсудно его преступление, Карамзин восклицает:

"Следственно, здесь нет человека, от которого зависела бы жизнь другого."⁴⁰

Об английском парламенте Карамзин пишет, сравнивая его с национальным собранием в революционном Париже : "Разница между парижским народным собранием и английским парламентом есть та, что первое шумнее; впрочем и парламентские собрания

довольно беспорядочны... но дела идут своим по рядком, и хорошо. Умные министры правят. Умная публика смотрит и судит.

В первые годы нового, XIX века, противники Карамзина возвели галлофобию на уровень политической борьбы с идеиной агентурой кровавой французской революции. "Защита" русского языка со стороны Шишкова и его соратников, которая на самом деле была попыткой вернуть его к доломоносовскому состоянию, идет в начале нового века под гром сражения с теми самыми французами, от которых Шишков спасал русскую литературу.

Поражения, а затем победы в русско-французских войнах начала века впервые в истории русской культуры и русской поэзии не находят себе адекватного по масштабу одического восхваления. Стареющий Державин в одах этого времени кажется своим собственным не очень удачливым эпигоном. Поэтическое слово надолго перестало воспевать мудрость царей и победы русских воинов, хотя иногда рецидивы этого содружества "мечи и лиры" появляются и позднее, даже в эпоху Крымской войны 1853-1856.

Эпоха войн с Наполеоном изменила отношение Карамзина к западным образцам конституционного строя. Он как бы вернулся к идеям Ломоносова и в "Истории государства Российского" уже доказывал, что существование России как государства возможно только при сохранении самодержавия. Декабристы свои политические идеи о свободе для России, заимствованные из западных источников и западного исторического опыта, тоже, по примеру Карамзина, обосновывали исторически, выдвинув как образец для современности древнерусские вольности - Новгород и его

⁴¹ республиканский строй. Карамзин нашел в русской истории само-державие, а декабристы - свободу Попытка Декабристская синтеза русского исторического опыта и западной политической идеологии была разрушена, вместе с декабристским движением.

Каждое из основных направлений русской мысли 1830-1840 гг. - западники и славянофилы - из наследия декабристской мысли извлекло для себя то, что ему казалось наиболее продуктивным. Славянофилы развили представление о нравственной высоте до-петровской Руси, намек на что находился еще в "Кошельке" Но-викова; их концепция включала в себя полное отрицание ум-ирающего Запада и всей послепетровской эпохи русского общества досталась западникам.

Все эти идеи получили новую силу и поддержку в русской литературе нашего времени. Наша цель была не столько открыть что-либо новое в филиации идей русского общественного соз-нания на примере проблемы Россия - Запад, сколько показать, как эти идеи связаны с исторической почвой, их породившей, и с какой силой они до сих пор продолжают владеть умами хотя исторический опыт мог бы подсказать русским людям более конкретные формы самосознания, вместо повторения идеологических утопий.

По-видимому, действительно в России "вопросы" всегда старые, и вот уже три столетия всегда одни и те же.

1. См.: М. А. Алпатов. Русская историческая мысль и Западная Европа XII-XVII вв. М., 1973; Г.В. Плеханов. История русской общественной мысли. М., 1925, кн. 3.
2. Алпатов, стр. 165-170.
3. Там же, стр. 191-211.
4. Цитирую по: С.М. Соловьев. История России с древнейших времен. М., 1961, кн. 5, стр. 194.
5. И. Т. Росошков. Книга о скучности и богатстве. М., 1951, стр. 77.
6. Там же, стр. 255.
7. М.В. Ломоносов. Полное собрание сочинений в десяти томах. М., 1959, т. 8, стр. 200. В 1757 г. Ломоносов вместо "варварство" поставил "грубость."
8. А. П. Сумароков. Слово Похвальное о государе императоре Петре Великом. "Трудолюбивая Пчела," изд. 2-ое, СПб., 1780, стр. 582-583.
9. См.: А. О. Морозов. Феофан Прокопович как писатель. СПб., 1888, стр. 30.
10. См.: А. Д. Кантемир. Собрание стихотворений. Л., 1956, стр. 41.
11. Ломоносов, т. 6, стр. 286.
12. Там же, стр. 170-171.
13. Ломоносов, т. 8, стр. 811.
14. Там же, стр. 206.
15. Ломоносов, т. 6, стр. 407-408.
16. Ломоносов, т. 8, стр. 732.
17. Valentin Boss. Newton and Russia. The Early Influence, 1698-1796. Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts, 1972, pp. 162-184.
18. П. А. Вяземский. Полное собрание сочинений. СПб., 1880, т. 5.
19. Н. Страхов. Борьба с Западом в нашей литературе. Киев, 1897, кн. 2, стр. 27.
20. Ломоносов, т. 2, стр. 654.

21. А. П. Сумароков. Полное собрание сочинений в стихах и прозе. М., 1787, изд. 2-ое, т. 2, стр. 132.
22. См.: письмо А. Н. Майкова О. Миллеру от 3 ноября 1871 г. Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1978 г. Л., "Наука," 1980, стр. 1178-1180.
23. Цитирую по: П. Н. Берков. История русской комедии XVIII века. Л., 1977, стр. 111.
24. А.П. Сумароков. Полное собрание сочинений, Т. 6, стр. 172.
25. Н. И. Новиков. Сатирические журналы. Редакция П. Н. Беркова. М.-Л., 1951, стр. 488.
26. Д. И. Фонвизин. Собрание сочинений в двух томах. СПб., 1893, стр. 74.
27. Новиков. Сатирические журналы, стр. 488.
28. Фонвизин, Собрание сочинений, стр. 249.
29. Там же, стр. 175.
30. Там же.
31. Там же, стр. 299.
32. Там же, стр. 287.
33. Там же, стр. 298.
34. Там же.
35. См.: И.З. Серман. Русский классицизм. Л., 1973, стр. 144-152.
36. См.: Г. К. Котошихин. О России в царствовании царя Алексея Михайловича. 4-ое изд. СПб., 1906. Впервые было издано в 1840 г.
37. Н. М. Карамзин. Избранные произведения в двух томах. М.-Л., 1964. т. 1, стр. 417-418.
38. Г. Р. Державин. Стихотворения. М., 1958, стр. 200.
39. Карамзин. Избранные произведения, т. 1, стр. 532.
40. Там же, стр. 580.
41. С. С. Волк. Исторические взгляды декабристов. М.-Л., 1958, стр. 321-347.